

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА. ЧАСТЬ I»

Уважаемый читатель!

Мы представляем вам новаторский номер, потому что он посвящён довольно неожиданной теме — теме советского консерватизма. Мы можем смело утверждать, что этот номер «Ортодоксии» — первая действительно крупная подборка статей по этой проблематике, первый обширный и глубокий, проведённый с разных сторон, подход. До этого были отдельные и очень редкие статьи в научной литературе по теме советского консерватизма. Настоящий номер — первый из трёх номеров «Ортодоксии», посвящённых консервативной мысли советского периода. В них будут представлены три десятка статей, среди которых публикации об отдельных мыслителях и писателях советского времени, в творчестве которых значимое место занимали консервативные идеи и сюжеты, статьи о так называемой деревенской прозе, о христианских мотивах в советском кино, о живописи и литературе, а также о том, что такое консерватизм вообще и чем консерватизм классический отличается от консерватизма неклассического, возникшего в Новейшее время.

Признаём, звучит это непривычно, в чём-то даже вызывающе. Советский консерватизм: не есть ли это что-то вроде «деревянного железа»? Как можно говорить о консерватизме в советское время? Ведь это понятие — консерватизм, консервативный — носило в ту эпоху однозначно негативный характер, было чуть ли не ругательством. Коммунистическое мировоззрение было радикально революционным, прогрессистским, ставило своей целью разрушить до основания старый мир. Какой тут, казалось бы, консерватизм.

Однако мы убеждены, что о советском консерватизме можно говорить, причём сразу в нескольких смыслах.

Во-первых, можно говорить о скрыто действовавших в советской политике и культуре консервативных тенденциях, которые остались в наследство от дореволюционной России и которые помогали сохранять с ней преемственность. Конечно, эти тенденции замалчивались официальной идеологией, вступали в многочисленные конфликты с иными, прогрессистскими тенденциями, порой сходили до минимума в разные периоды существования советского государства. Однако они всё же оставались важным социально-политическим и культурным

фактором — настолько, что многие были удивлены, когда вдруг частично (вновь подчеркнём, только частично!) под «Россией красной» вдруг проступили традиционные черты России старой, имперской. Тысячелетнее влияние православия и государственно-политическое наследие целых столетий не могли пройти бесследно и исчезнуть под «красным колесом», и оно порой пусть скрыто, но властно продолжало определять судьбы страны, влиять на неё.

Во-вторых, об этой теме можно говорить в том смысле, что коммунизм, или радикальный социализм, не только резко отрицал христианство и Церковь, но бессознательно и искажённо усвоил и некоторые христианские ценности. Это выражалось, например, в том, что он вёл речи о всеобщем братстве и мировом Интернационале, о жертвенности ради всеобщего блага и о «счастье для всех даром, и пусть никто не уйдёт обиженным».

В-третьих, тема советского консерватизма может встать в контексте изучения истории краха СССР и того, каких охранительных начал не хватило советскому государству, чтобы сохранить себя и страну. Почему советский консерватизм оказался в итоге столь слабым и немоцным и чему нам стоит научиться на этих ошибках.

При подготовке этого номера перед нами стояли немалые трудности. Это и то, что в истории отечественной философии и общественной мысли сегодня, как это ни странно, крайне мало специалистов по советскому периоду. И поэтому некоторым авторам у нас пришлось писать сразу на несколько тем. С этим связана новизна и очень малая изученность как этой темы, так и советского периода в целом. Она продолжает вызывать горячие дискуссии и споры, провоцировать порой на крайние позиции. Мы имеем дело с тем парадоксом, что очень близкое оказывается для нас и весьма далёким.

Поэтому, представляя этот номер и рассказывая о вставших перед нами трудностях, мы призываем наших читателей не судить слишком строго. Среди наших авторов в этом номере представлены разные позиции, порой противоречащие друг другу. Русская общественная мысль пока не проартикулировала единого подхода, с позиций которого можно было бы уверенно оценивать и взвешивать советскую эпоху. Но мы исходим из того, что этот подход уже формируется, а его методологическим ориентиром могут служить цивилизационные основания России — ценности, укоренённые в православной традиции.

Нами руководило стремление увидеть советскую эпоху как часть большой и единой русской истории — истории сложной и подчас трагической во всех её разрывах и разломах, но остающейся тем не менее единым процессом. Мы надеемся, что представленный номер внесёт в решение этой задачи свою посильную лепту.

А. В. Щипков